

МАРИЯ ХАУСТОВА

ОСКОЛКИ ДЕТСТВА

Мария Хаустова

Осколки детства. рассказы

«Издательские решения»

Хаустова М. А.

Осколки детства. рассказы / М. А. Хаустова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748599-3

Герои Марии Хаустовой живут в русской провинции. Это обычные дети, вот только вместо любви и ласки они получают одиночество, голод и страдания. Но они, как никто, умеют прощать и любить.

ISBN 978-5-44-748599-3

© Хаустова М. А.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Пишет сильно!	7
Осколки детства	8
Максимка	9
Дед и Ирка	13
Юлька	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Осколки детства
рассказы
Мария Хаустова

© Мария Хаустова, 2016

© Денис Владимирович Фокин, дизайн обложки, 2016

© Вероника Александровна Гурина, фотографии, 2016

Редактор Галина Александровна Щекина

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Мария Александровна Хаустова родилась в городе Кириллове Вологодской области 25 декабря 1987 года. В 2007 окончила библиотечное отделение Вологодского областного училища культуры, а в 2013 – филологический факультет Вологодского государственного педагогического университета. Более семи лет работает корреспондентом общественно-политической газеты Кирилловского муниципального района «Новая жизнь», где в течение трёх лет ведёт информационный правовой проект и, являясь журналистом-универсалом, пишет на разные темы: от программ службы занятости, криминала, молодёжной политики до области культуры и проблемных ситуаций в сфере ЖКХ. Мария является победителем многих информационных конкурсов, среди которых главными считает Конкурс имени В. А. Гиляровского (2008), «Вызов XXI век» (2009), а также «Живое слово» (2011).

Литературной деятельностью Мария начала заниматься в 2012 году. Именно тогда ею был написан первый рассказ «Максимка», который в традиционном варианте (а не в электронном) был опубликован впервые лишь в сентябре 2015 года.

«Максимка» – знаковое произведение, которое откроет для читателей особый мир Хаустовой, печальный, но родной.

К выходу в свет готовится роман Марии Хаустовой «Мамочка из 21-го бокса», получивший положительный отзыв у комиссии в издательстве «Эксмо». Работает она и в жанре киносценариев. Полнометражная новогодняя комедия находится на рассмотрении у исполнительного продюсера А. Н. Достала. Кроме того, в этом году Марией написаны киносценарии мелодрам и две пилотные серии для ситкомов. Сейчас М. А. Хаустова пишет книгу об исправительной системе в России, рабочее название – «Розовый фламинго».

Мария Хаустова принимала участие в литературном фестивале «Плюсовая поэзия» в 2015 году в Вологде, получила положительные отклики, тексты рекомендованы к публикации. «Осколки детства» – дебютная книга М. Хаустовой.

Г. А. Щекина

Пишет сильно! (вместо предисловия)

Книга Марии Хаустовой – о детстве. Принято считать, что детство – самая счастливая пора в жизни человека. Детство, описанное в классике – светлые моменты, взрывы радости, обретение друзей и открытия. Но здесь мы видим самый горький случай, когда ребенок получает в качестве первого опыта предательство, голод, боль, одиночество. Тут и взрослому легко сломаться, а уж малолетке – тем более. Так они выживают. Так они растут. У мальчика Максимки умирает отец. И стоя перед свежей могилой, пацаненок плачет и взрослеет. Хулиганка Ирка допекает старого дедушку своими затеями, но когда понимает, что без нее деду тоже не выжить, начинает понимать его, совестится. Героиня одноименного рассказа Юлька, замученная диким обращением бабушки-алкоголички, тем не менее проникается жалостью к ней, узнав о ее болезни. Сестры доводят до иступления сумасшедшую соседку, но сразу смягчаются, узнав историю ее любви. Нет, эти дети не ожесточились, не закалились в своем несчастье. Они открыты добру и правде. Из них еще вырастут хорошие люди.

Герои Хаустовой живут в русской провинции. Это достаточно мрачный фон для жизненных историй. Как повторяет про себя школьница Маринка, идя домой: «Рыба», «Овощи», пивной ларек с коротким, но удобочитаемым названием «Рюмочная», затем отделение «Почтамта», холодный сквер и трехэтажная кирпичная школа...» Одна улица – и весь город. Один серый день – и вся жизнь. Но автор не боится показать жизнь такой, как она есть – простой, грубой, бесповоротной. Ведь даже в такой жизни есть свои прекрасные моменты.

Книга «Осколки детства» покоряет темой. Да, знать о страданиях маленьких детей нужно. Чтобы не допускать такой несправедливости рядом. Но разговор не только о социальной беде, он шире, он выворачивает нравственные корни этой беды. К тому же трагическое и прекрасное часто взаимосвязаны. Измученная голодная Ленка, собирающая еду по помойкам, оказывается человеком глубоким, верным и любящим. Она спасает своего крохотного брата и утешает пропащую мать (рассказ «Старшая сестра»).

Главные отличительные черты Марии Хаустовой – невероятная честность и знание предмета описания. Текст содержит множество деталей, иногда ярких, иногда жутких. Тут можно вспомнить и украденную спелую малину в саду бабки Верки, и варку каши для голодной Юльки. Иногда охватывает сомнение – да о нашем ли времени идет речь? Может, мы вернулись в эпоху Короленко и Достоевского? О, нет, это начало цивилизованного двадцать первого века...

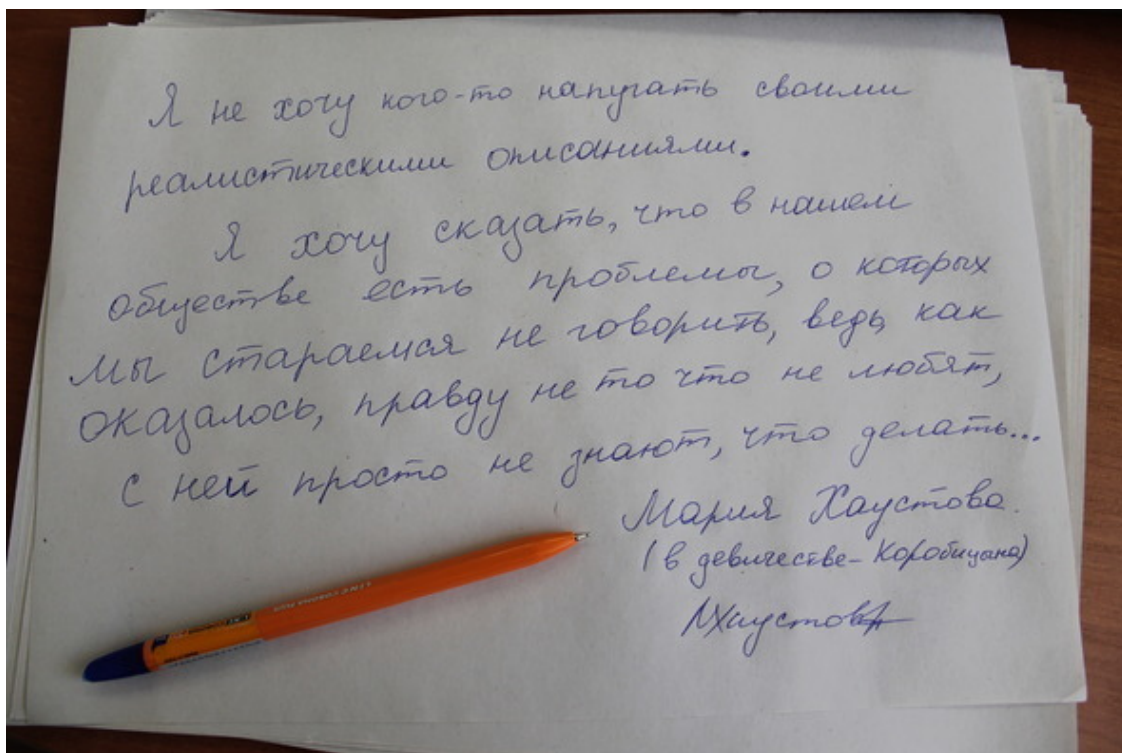
Исковерканное детство, мучения, голод, холод, одиночество. Дети подземелья? Горьковское дно? Тема детского горя у Хаустовой раскрыта как нельзя более полно. Сочувствие автора – это явно. Но есть какие-то моменты, где автор перебарщивает. Очень много детских слез. Слезинка ребенка становится морем. А в целом Хаустова сильно пишет. Только меры не знает. Возможно, у нее своя мера.

Но такая книга сегодня нужна. Она как горькое лекарство, которое приближает выздоровление. Она кричит о чем-то главном в человеке. О сострадании.

Галина Шекина, член Союза российских писателей

Осколки детства

КНИГА, КОТОРАЯ УЧИТ ДОБРУ И СОСТРАДАНИЮ.

Максимка

Белый снег разлетался хлопьями, и ветер уносил его куда-то вдаль. Максимка шагал по улице, и слезы большими горошинами скользили по его лицу. Маленький, тоненький, с черными, как смоль, глазами и длинными ресницами, он смотрел на расхोдившихся с кладбища людей. Папка умер. Папка! Максимка остался один. В свои одиннадцать он познал, что такое одиночество и смерть.

Как-то к Любаве пришли гости. Они сидели на кухне и смеялись над каким-то анекдотом. Максимка прибежал с улицы весь взлохмаченный и раскрасневшийся от мороза. На шерстяных рейтузах его висели комочки снега. Он постучал носами валенок о порог, чтобы снег слетел и с них, и уже хотел проскользнуть к себе в комнату, как увидел в прихожей отца. Тот сидел на полу. Его ноги были согнуты в коленях и обхвачены руками, лицо выражало страдальческий вид, и маленькая пуговка соленой воды застыла в уголке его правого глаза. Он сидел один на ковровой дорожке в темной прихожей и слушал, как смеется его сестра, а сам в это время изнывал от дикой боли.

– Папка! Что с тобой? Тебе больно? – испуганно спросил Максимка.

– Да не-ет, – тихим, протяжным голосом отвечал ему отец.

– Давай я Любаву позову, она тебе поможет.

– Не надо, Максимушка, не зови. Я тут еще немножко посижу и встану, – убеждал Юрий маленького сынишку.

– Я тогда рядом с тобой посижу, – Максимка сел напротив отца и не мог понять, что такое с ним происходит. Глядя на сына, Юрий прослезился и попросил мальчишку подойти к нему. Максимка, заметив слезы отца, расплакался и упал в объятия своего любимого папки.

– Что с тобой? Скажи мне! Ведь ты не умрешь?

– Нет, мой дорогой, не умру...

– Никогда-никогда?

– Никогда-никогда.

Максимка успокаивался. Отец нашел в себе силы. Ухватившись за стену, он кое-как приподнялся и медленными шагами отправился на свою постель. Подружки Любавы подзывали его: «Юрик, иди к нам! Выпей водочки!» Папка лежал и не отвечал на их возгласы. А потом удивил всех – показался в кухонных дверях и бойко кинул: «А наливай!» Ему налили. Целую. Он выпил, но закусывать не стал. Все переглянулись.

– Ещё! – громко проговорил Максимкин отец.

Отговаривать не стали. Одним глотком осушил он рюмку горькой и поставил ее на стол.

– Ещё? – спросила Любава, вопросительно смотря на брата.

– Всё, больше не буду, – ответил тот.

Юрий ушёл в комнату и больше в этот день не вставал. Вечером к Любаве пришла знакомая медсестра, которая обещала осмотреть брата. Максимка сидел рядом с отцом и смотрел телевизор. Когда шли мультфильмы, он сидел, раскрыв рот, и ничто его не могло отвлечь от их просмотра. Но только не в этот раз. Наохлившись, как воробей, Максимка одним глазом поглядывал на экран старого «Шарпа», а другим следил за тем, что происходило вокруг его отца. Медсестра оглядела его тугий живот и зачем-то откинула одеяло с папиных ног. Все они покрывались синяками разных размеров.

«Любава, готовься, – прошептала тетка в белом халате. – Надо бы Максимку куда-нибудь отправить. У Юры уж трупные пятна пошли».

– Максима, к тебе тут Вовка заходил. Звал тебя в гости... – мгновенно придумала Любава.

– Да? А давно? – оживился Максимка.

- Да нет. Не очень.
- Тогда я к нему побегу!
- Хорошо. Только у папы разрешения спроси сначала!
- Ладно, – сказал мальчишка и подошел к кровати отца. Тот лежал и смотрел в какое-то отдаленное пространство.
- Па.
- Что, сыночек?
- Па, можно я к Вовке сгоняю? Тут недалеко.

Максимкин отец еле шевелил губами, но, улыбаясь и как-то по-особому разглядывая сына, сказал: «Иди».

Максимка подбежал к Любаве и радостно воскликнул: «Отпустил!» Входная дверь хлопнула, все вздохнули с облегчением.

Парнишка в шапке-ушанке и рыжей куртке бежал по тротуару к другу. Его дом находился в одном квартале от Вовки. Расстояние преодолел быстро, и теплой рукой, спрятанной в варежку, он постучал в дверь. Долго не открывали. Тогда Максимка встал на цыпочки и позвонил в звонок. Заиграла знакомая мелодия, послышались чьи-то шаги, и в открытой двери появился Вовка.

– Макс! Здорово! Я тебя давно жду! Заходи – сейчас в стрелялки играть будем. Мне новую игру купили. Раздевайся, проходи.

Максимка стянул с себя шапку, куртку и валенки. Неторопливо прошел в комнату и сел на диван.

– Ну, показывай свою игрушку. Что там интересного? – спросил Максимка друга, и какое-то непонятное чувство тревоги овладело им в тот момент. Он не мог дышать, думать, слушать. Не мог разобраться, что происходит. Он быстро вскочил с мягкой мебели, запрыгнул в валенки, накинул куртку и побегал домой. Вовка успел только крикнуть: «Здоровья твоему отцу!»

Максимка встал как вкопанный. «Здоровья твоему отцу?» – раньше он никогда не говорил подобного. Сердце ёкнуло от этой фразы. Сломя голову помчался Максимка к любимому папке. Запнулся на пригорке, ударился пальцем на ногу о какую-то кочку, но всё равно бежал не останавливаясь. В общем коридоре его остановила соседка: «Максимушка, не спеши домой, пойдем ко мне...»

Из двери Максимкиной квартиры выглянула та самая медсестра и сказала: «Иди к Лиде, не мешай. Папа умер».

«Папа умер? Как умер? А я?» – в голове мальчишки эти слова никак не укладывались, и он не мог в них поверить. Максимка выдавил из себя слезу и пошёл за Лидой.

- Садись, я тебя покормлю, – предложила соседка. – Щи «Сиверские» будешь?
- «Сиверские?» – спросил Максимка, и его глаза заплыли слезами.
- Да, «Сиверские», – отвечала Лида, делая вид, что ничего не замечает.

Она поставила тарелку с супом на стол, которая так и простояла до вечера. Максимка не притронулся. Зашла Любава.

– Максим, не плачь. У папы теперь всё хорошо. У него ничего не болит. Он теперь наш ангел, – успокаивала племянника тётка.

- Как ангел? Он улетел?
- Да, милушка моя, его душа теперь на небесах.
- А как же он меня оставил? Как же я без него-то буду?
- Ты теперь будешь со мной.
- Почему ты отправила меня к Вовке? Ты же знала, что это сейчас произойдёт?! Любава, ответь! – сквозь слезы кричал Максимка.
- Мы решили, что так будет лучше...

- Он звал меня? Скажи! Звал? – не успокаивался мальчишка.
- Юра спрашивал, где ты.
- Как спрашивал? Он же сам меня к Вовке отпустил!
- Так ведь он уже в беспамятстве был почти...

Максимка плакал, а Любава просила его успокоиться. Она ушла. Максимку посадили к Лидкиному телевизору и включили какую-то программу. Шёл концерт.

Максимка смотрел в одну точку и не слышал, как в комнате появилась Любава. Он вздрогнул.

– Ты чего? Напугался?

– Не ожидал просто.

– Пойдём к папе ходим.

– Пойдём, – сказал племянник и встал с дивана. Они подошли к своей квартире, и папин сын долго не мог открыть дверь. Он смотрел на ручку, потом на Любу, затем снова на ручку, и так переводил взгляд до тех пор, пока медсестра не открыла эту дверь изнутри и не спросила: «Люб, ну где ты ходишь? Монеты от Лидки принесла?»

Мальчишка так и не понял, зачем понадобились деньги. В комнате, где он недавно смотрел вместе со своим папкой мультики, стоял гроб, обитый красной материей с чёрными рюшечками, а в нём... А в нём спал отец. Или дремал. Глаза были немного приоткрыты. Максим осмотрел его с головы до ног и не мог понять, в чём дело. Разве он умер? Вон как грудь вздымается. Уши только фиолетовые почему-то. Странно.

В комнату вошла какая-то бабулька и начала причитать. Максимка сел поодаль от отца и стал смотреть на происходящее. У гроба прибывали люди. Кто-то нёс цветы, кто-то деньги. Все плакали и говорили: «Эх, Юра, Юра». Народу было много, и шума тоже. Максимка вздрогнул и понял, что уснул в комнате с покойником. Рядом никого не было. Только папа. Мерзопакостный холодок пробежал по телу ребёнка, и, делая вид, что он не боится, Максим вышел из комнаты. Там ходили люди. Мальчишку снова отправили к Лиде. В такой суматохе прошло почти три дня.

Ранним утром разбудили Максимку какие-то тётки и сказали, что по правилам он должен сидеть сейчас у гроба.

Мальчишка протёр глаза, оделся и поплелся в свою квартиру. Отец всё так же спал. На его лбу появилась какая-то бумажка, а на руках – ленточка.

– Мальчик, поддержи папу за ножки, ты его и бояться потом не станешь, – сказали Максимке женщины, стоящие у изголовья отца.

– А чего мне его бояться? Я его люблю! – быстро отрезал парнишка.

Время подкатывало к обеду, когда к племяннику подошла Любава и сказала: «Иди на улицу. Жди. Сейчас выносить будут».

Мальчишка отправился к выходу. В коридоре стояла красная крышка от папиного гроба, он окинул ее взглядом и пошёл дальше. На улице было столько народу, сколько на народном гулянье не всегда увидишь! Все хотели проститься с Максимкиным отцом.

Похоронная процессия растянулась на несколько сотен метров. Максимка с Любавой шли за машиной с гробом в первом ряду. Идти было далеко, но расстояние в три километра показалось довольно коротким. Уж больно быстро оказались на кладбище.

– Максим, подойди к отцу. Поддержи его за лобик, – потихоньку сказала Любава племяннику. Папин сын положил свою маленькую худенькую ладошку на его холодное лицо и ощутил всю тяжесть момента.

– Бедный мальчик, – неслось откуда-то из толпы. – Ни матери, ни отца. Сиротинушка. Эх, жаль парня. Добрый он...

Максимка нащупал у себя в кармане конфету и сунул её в руку отцу. Никто не заметил.

Парнишка отошёл от гроба, и непрерывающаяся цепочка из людей потянулась к его родителю.

Потом отпускали гроб в могилу и бросали туда носовые платки. Максим тоже бросил. Когда засыпали землей, Любава долго уговаривала племянника, чтоб и тот горсточку кинул, но он не соглашался: «Зачем я буду на папу землю кидать? Ни к чему это!»

Люди расходились и уже не плакали. Максимка смотрел на всех со стороны. Могилу дядьки подравняли лопатами и, выпив по стопке водки, разбрелись в разные стороны. Любава пропала из виду, и папин сын остался один.

– Кап, кап... – падали слёзы, отрываясь от краснющей Максимкиной щеки на болоньевую куртку. Он вернулся к папкиной могиле. Повсюду лежал снег, и только она темнела на всем кладбище.

«Папа, – сел на корточки Максимка и зашептал. – Папа, ты слышишь меня? Ты же обещал всегда быть рядом. Любава сказала, ты мой ангел. Ты теперь будешь меня охранять? Если ты меня слышишь, подай знак!»

Курлыкающая чайка села на пестрый веночек и посмотрела на мальчишку.

«Слышишь! – радостно произнес сынишка. – А ты ко мне ещё придёшь?»

Ответом ему была тишина. Ветер разносил остатки поминальной еды и развеивал чёрные ленточки с печальными надписями «Помним. Любим. Скорбим».

«А конфету-то ты съешь, не забудь», – прошептал, всхлипывая, Максимка.

Он поднялся с колен и побрел в сторону города.

Дед и Ирка

Знойное июльское утро в деревне Камышево началось с криков недавно проснувшегося деда Коли. «Опять дверь нарастопашку?! Да что ж это такое? Когда это закончится?! – бурчал седовласый мужичок невысокого роста. – Ирка! Опять всё у нас раскрыто! Вон мух-то, глянь, целая комната уж налетела!»

Ирка в это время сидела на крыльчке деревянного дома и ковыряла гвоздём в старых ступеньках. «Опять орёт!» – подумала она. «Эй, сорванец! Хуже мальчонка ведь! Ну, где тебя носит?» – искал по дому свою маленькую внучку дед.

Открыв входную дверь, он увидел худенькую сгорбленную спинку и растрепавшиеся чёрные волосы по плечи. «Хоть бы заплелась, что ли...» – окинув взглядом Иринку, промямлил дед. «Заплетусь-заплетусь», – протараторила девчонка с оттопыренными ушами и, вскочив с места, побежала в дом. Она хлопнула дверью так сильно, что ту отчеканило обратно.

У большого старинного зеркала, окаймленного резным орнаментом, Ирка нашла расчёску и попыталась выпрямить сбившиеся волосы. Но пластмассовые зубчики не справлялись с густой шевелюрой Ирки. Они то и дело ломались и оставались в её голове. «Э-эх! – бесилась девчонка. – Да что ж такое-то!» Она схватила себя за заполстившиеся волосы и, разозлившись, начала их рвать. «Иришка! Иринushка! Что ж ты делаешь-то? – увидев разъяренную маленькую внучку, засмеялся дед. – Дай-ка мне. Я это дело сейчас мигом разгребу». Ирка опустила руки и со слезами на глазах подбежала к деду: «Ну, на! Попробуй, раз умненький такой!» «Садись перед зеркалом и жди! – поставив стул, сказал дедо Коля. Он быстренько сходил на кухню и, зачерпнув ковшиком воды из ведра, прибежал к Ирише.

Она покосилась на воду и спросила: «Это что ж ты тут делать со мной будешь?» «Что-что? Распутывать тебя сейчас будем! – пояснил он. – Давай свои лохмы сюда». Девчонка повиновалась и, отпустив голову ниже, стала ждать, что получится. Маленькими шепотками дедушка брал водичку из ковшика и поливал Иркину голову в тех местах, где видел запутавшиеся волосы, а потом той же щёткой, где не досчитывалось нескольких зубчиков, аккуратненько прочёсывал чёрные и густые внучкины волосы.

– Ну что? Принимай работу! – через пару минут проговорил Иркин дед. Девчонка подняла голову и посмотрелась в зеркало: тёмные локоны теперь равномерно лежали с обеих сторон её лица и даже закрывали смешные ушки.

– Ой, дедо, спасибо! – с улыбкой на лице проговорила Ирка и тем же лёгким движением, как и всегда, она спрыгнула с места и убежала.

– Ирка, а поесть? – только и успел крикнуть ей вослед дедушка.

Жаркий день не давал Ирке сидеть дома, её так и тянуло к приключениям. Но где же их взять, когда живёшь только с дедушкой, да ещё и в малолюдной деревне? «Да... хоть бы друзья были. Да и тех еще займешь не успела, – рассуждала про себя Ирка, спускаясь по склону берега к реке. – Скукота!»

Босиком по зелёной скошенной колючей траве она добежала до воды. Мелкие мерцающие волны так и рябили в глазах. «Ничего себе, как сегодня печёт! – сидя на маленьком плотике и болтая ногами в реке, думала Ирка. – А тут – благодать! Прохлада! Даже ключи, наверно, быют. Вон ноги как замерзают».

Она вытащила свои ледяные ступни из воды и пошла ближе к дому. И дошла бы. Если б на глаза ей не попала... лодка! Светло-голубая, она стояла на берегу и прямо-таки звала Ирку к себе своим нежным цветом, сломанным рулем и парой деревянных скамеечек. Закинув одну худенькую ножку за край лодки и оттолкнувшись от земли другой, она оказалась внутри судна.

«Эх, хорошо-о-о...» – сказала вслух девчонка и улеглась на скамейке, а затем и на корме. Июльское солнце припекало всё больше, и Ирка, чтобы не жмурить глаза, и вовсе их закрыла.

На её горячие веки упало что-то острое. Машинально она схватила эту вещь руками и начала разглядывать. Веточка. Обычная веточка. Она прилетела с огромной кроны берёзы, которая произрастала совсем недалеко от лодки. Повертев коричневую палочку в руках, Ирка провела ею по корме. Завитушка из светло-синей краски осталась на кончике веточки, а на месте, по которому Ирка провела той самой палочкой, красовался тёмный ров.

«Хм... Интересно...» – чуть слышно пробормотала Ирка и провела ещё раз по корме веточкой. И с лодки слезла ещё одна стружка. А потом ещё одна. А за ней и ещё. И так Ирке понравилось чиркать веткой по лодке, что вскоре вся корма превратилась в что-то ветвистое и непонятное. Потом она придумала писать на ней слова и читать их задом наперёд. Ах, как это было увлекательно! «Каникулы», – писала она и тут же вслух проговаривала это слово наоборот: «ы-лу-ки-нак!» Затем – «дед Николай», из которого вышел «йалокин дед!» Ирка повторяла это словосочетание снова и снова. Она сквозь смех кричала «йалокин дед, йалокин дед», и так причудливо ей это всё казалось! Наигравшись досыта, Ирка слезла с лодки и пошла в сторону дома.

Она выбралась из-под горы на грунтовую дорогу, как вдруг услышала какой-то звук. «Шлёп, дзынь, бам...» – неслось откуда-то справа. Девчонка повернула голову и увидела невысокого курносого мальчишку.

– Привет, – посмотрев на него, поздоровалась Ира. – Меня Ирка зовут. А тебя?

– Я – Никита, мне 12 лет, живу во-он за тем домом, – парнишка указал на разрушенный и покосившийся дом. – Как раз за поворотом!

– О, так ты на целый год меня старше! Хм... – в ответ сказала Иринка. – А что же ты тут такое делаешь?

– Как что? Играю. Что ж тут ещё-то делать? Отдых у меня. Каникулы, – сухо констатировал Никита.

– И что же у нас такая за игра? – не отставала от него Иринка.

– А вот смотри: берёшь щепочку (он поднял с земли грязный огрызок от полена), размахиваешься и закидываешь его на крышу дома!

– Ой, как интересно!!! А можно я тоже с тобой поиграю? – чуть припрыгивая на обеих ногах, спрашивала у него Ирка.

– Ну, давай! У кого дальше улетит – тот и выиграл! – согласился Никита.

Право кинуть первой предоставлялось новой знакомой нового знакомого, и упасть в грязь лицом было ну никак нельзя! Ирка, отведя правую руку назад и разбежавшись, закинула щепку далеко-далеко.

«Ничего себе девчонка! Да ты меня в два счета обыграешь!» – удивлялся и одновременно злился Никитка. «А ну-ка, я теперь!» – парнишка хотел взять в руки новую щепочку, но так заспешил, что вместо неё ему в руки попался камень, и им-то он и запустил! Цель была повержена, правда, не так, как это было надо. Окно чердака деда Коли было пробито насквозь.

– Бежим! – скомандовал Никитка.

– Куда «бежим»? Это дом деда моего! Тут хоть заубегайся – не поможет! – поникла Иринка.

Новый знакомый пустился наутек, а Ирка поплелась навстречу деду. Тот уже шагал широкой и быстрой походкой, мол, ну, погоди у меня!

– Дедо, это не я, – пыталась что-то сказать Ириша. – Правда, не я...

– А кто? Святой Дух, что ли? Ирка, сколько раз тебе говорить, не веди себя, как сорванец! Прекращай уже! Вон чего удумала – камни в окна бросать! Эх, расскажу матери – будет тебе трёпка! – не успокаивался дед.

– И говори! Прямо сейчас позвони! Давай! Я тебе и номер продиктую, – возмущённо крикнула Ирка и, зайдя в дом, хлопнула дверью.

– Похлопай ещё мне дверями! Туда-сюда, туда-сюда! Как швейка шьёт! Только знай, что дверью и хлопает! Тук-тук, тук-тук, спасу от тебя нет никакого! Вот накажу тебя, Ирка, будешь знать, почём сотня гребешков! – ругался дед на внучку-сорванца.

Ирка не ругалась с дедом. И не противоречила. Не грубила. Не кричала в ответ. Просто закрылась в одной из комнат и не выходила десять минут. Потом нелепыми движениями, как будто пытаясь быть незаметной и невидимой, она прокралась к входной двери и, пока дед не видел, повесила на неё табличку с яркой надписью: «Прихлопывайте дверью! Хозяин от этого просто в восторге!» Затем, выпрямившись на крылечке в полный рост и улыбнувшись саркастически, Ирка с наслаждением открыла дверь и, щёлкнув ею со всего размаху, пустилась к реке.

Светло-голубая лодка так и манила Ирину. Она шла туда, как по зову сердца. Ирина водила носом и не могла понять, откуда идёт этот странный, резкий запах. Подойдя к большой берёзе, она увидела лодку. «Но что с кормой? Опять покрашена?!» – рассуждала про себя Ирка. Облизнув указательный палец, она дотронулась им до светло-голубой поверхности и поняла, что дело её кончено – липко!

«Всё, насиделась на лодке», – решила девчонка и побрела вдоль реки, но, не ступив и пары шагов, она вспомнила, что в огороде, должно быть, уже поспели новые ягоды клубники... Дедо Коля посадил их специально для внучки.

Быстрыми шагами она отправилась в то самое место, где росла её любимая ягода. Прощмыгнув у таблички с красными словами «Прихлопывайте дверью!», Ирка побежала в сторону огорода. Но и тут её ждал подвох – в цветущем и пышущем душистым ароматом саду, в лучах раскаленного солнца, на старой, дряхлой раскладушке отдыхал её дед! Панама, накинутая на лицо и защищавшая его от жары и разных мошек, немного съехала, но всё-таки закрывала глаза. На животе лежала потрепанная книга Астрид Линдгрэн «Расмус-бродяга», он почему-то очень любил её и постоянно перечитывал... Ну, а в ногах его... валялся кот. Ирка знала, что дед может спать в таком положении до тех пор, пока солнце не зайдёт за тучи и на его огород не опустится тень с легким ветерком прохлады. Поэтому, ничего не говоря, она спокойно прошла к своей любимой грядке, и, приподнимая зелёные листочки, выискивала там заветную сладость.

«Каррр, каррр», – кричали вороны. Ох, и не любила их Ирка. Взяла она крупный зеленец, замахнулась им на птиц, да и заорала во всё горло: «А ну, пошли отседова, проклятые!»

Сон у дедки пропал мигом! Будто и не был он в царстве Морфея! «Эй ты, паразитка! Совсем совести не стало? Не видишь, человек спит?» – заругался дед на внучку. «Кто спит? Никто у нас тут не спит! Глянь, какие все резвые, бодрячком, так сказать! – ерничала девчонка. – А уж, коль на то пошло, так спи, дедо Коля, спи! Я тебе мешать не буду!»

Она подбежала к своему дедушке и, как кошка, увивалась вокруг него: «Спи, дедушка, спи! Я панаму-то тебе на лицо положу, отдыхай! Не ругайся! Чего уж там».

Дед подобрел и начал отходить. Успокоиться-то он успокоился, но ненадолго. Наевшись ягод, Ирка уж было хотела уходить... Как взгляд её приостановила... ножка. Ножка от той самой раскладушки, на которой почивал её любимый дед. И тут же вспомнились Иринушке его слова, которые так и вертелись у неё в голове. Ирка прокручивала их вновь и вновь: «Эй ты, паразитка!» Они так и звенели у неё в ушах!

Поравнявшись с раскладушкой деда, внучка легонечко так, почти незаметно подопнула ножку у раскладушки, которая служила ей опорой. И... раз! Летняя кровать деда Коли сложилась в одно мгновение! Ирка спешно ретировалась из огорода, но возгласы дедушки она слышала чётко: «Ну, старая рухлядь! Выкину её на хрен!»

«Слава богу, не понял», – ухмыльнулась Ирка и продолжила своё путешествие по деревне.

Солнце по-прежнему распекало и томило, и хотя вроде бы всё было хорошо, какое-то неловкое чувство тревожило Ирку. Что-то скребло под лопатками и иногда слезились глаза.

«Блин, стыдно. Чего это я? Дед-то вроде и не при чём. – думала Ирка. – Ммм. Это он ещё про лодку не знает... Или знает? Хотя нет. Откуда ему? Задал бы уж трёпу! А может, ждёт, что сознаюсь? Хм. Нет-нет-нет. Мне нужно срочно искупить свою вину!»

Пока она сидела на крылечке дедовского дома и разглядывала поляну разросшейся травы около забора, которую она раньше почему-то и не замечала, у неё вызрел план: «А вырву-ка я её сейчас всю. Вот дед обрадуется! Придёт, а косить уже не надо! Всё сейчас вычищу!»

Спрыгнув со ступенек, внучка принялась за работу. Её спина не разгибалась, а маленькие пальчики пытались ухватить как можно больше травы за раз! Она рвала зелёные пучки и складывала их в одну кучу, которая всё прибывала и прибывала в размерах. Вскоре поясница ребёнка затекла, руки были оцарапаны, но работу она не останавливала. И только громкий и надрывный вздох деда смог оторвать её от уборки территории: «Ирка! Ирка! Паразитка! Ты ж чего удумала? Ты ж чего, паразитка этакая, натворила?!»

Иринушка выпрямилась, с помощью нижней губы сильно дунула на чёлку, грязной рукой вытерла выступивший пот со лба и со слезами проговорила: «Что опять-то не так?»

«Что-о? Ты спрашиваешь – что? Глянь! Всю траву выдергала! Я же эту поляну Зойке пообещал! Она не знает, где на корову поближе накосить... Выискивает! Я-то ей и предложил! Эх ты!» – тараторил дед.

Ирка, опустив руки, обиженно посмотрела на деда и поплелась в дом. «Ира! Ирина! Стой, когда старшие с тобой разговаривают! Кому говорят, стой!» – твердил Николай. Но Ирка его не слушала. Она медленно поднималась по крыльцу, пока не ступила на последнюю ступень и не подняла глаза на яркую надпись: «Прихлопывайте дверь! Хозяин от этого просто в восторге!»

Дед стоял у кучи с только что сорванной травой и что-то бурчал себе под нос. Резкий хлопок дверьми заставил его обернуться. Он посмотрел в сторону двери и ничего не заметил: она, как и раньше, болталась после Ирки из стороны в сторону. «Вот паразитка!» – крикнул ещё раз дедо Коля и пошёл следом за ней. У крыльца что-то валялось. Дед наклонился, чтобы посмотреть на перевернувшуюся табличку, как услышал Иркин голос, который доносился из форточки: «Алё, мама! Ма-ма, забери меня домой! Когда ты уже приедешь? Дед только ругает меня!»

Дедо Коля выпрямился и почесал затылок: «Ругаюсь? Да я ж из любви только». «Ирка-а! Иринушка! Сорванец! Эй, мой любимый сорванец! Ну чего же ты, – бросил он какую-то табличку, которую так и не успел прочитать, и вбежал в комнату к внучке. – Я же тебя люблю!»

– Любишь? – приподняв брови, спросила его Ирка. – А чего ж тогда всё время орёшь на меня?

– Да не ору я. Я и орать-то не умею вовсе. Мать сказала тебя приструнить, а то, мол, совсем от рук отбилась. Не уезжай. Нам же хорошо вместе. Вон у нас какая клубника вкусная. Красная. Спелая. А на крыльце как хорошо сидеть, когда ветерочек подует на личико, так и волосики у тебя разлетаются... А, воробышко мой шаловливый? Оставайся! А речку свою как оставишь? Ирушка? – уговаривал внучку дед.

Тут Ирке взгрустнулось, и она вспомнила, как ходила купаться и загорать, как отдыхала на дедовской лодке. И вдруг её как током дёрнуло. Она выпучила глаза и отвела их в сторону.

– Что, Ирушка? Что опять-то не так? – заглядывал в глаза оробевшему ребёнку дед.

Девчонка вспомнила, как тонким, острым прутиком она совсем недавно выковыривала в не совсем засохшей краске маленькие светло-синие ручейки на корме дедоколиной лодки и писала на ней разные слова.

– Чего молчишь-то? – не унимался дед.

Ирка подняла глаза и сохшимися губами прошептала: «Про лодку вспомнила...»

– А чего про неё вспоминать зря? Я слова твои давно уже закрасил! – засмеялся дед. Как закрасил? – вырвалось у Ирки из уст.

– А так... – спокойным тоном произнёс её дед. – Думаешь, я почерка твоего не знаю? Ещё первые открытки твои помню: «Дедо, с днём ВАРЕНИЯ!» Он расплылся в улыбке и подошёл, чтобы обнять своего сорванца: «Ну что? Мир?» Ирка поправила сбившуюся чёлку, обтёрла влажные от холодного пота руки одну о другую и запрыгнула на деда. «Ну, прости меня, дедо. Прости. А окно-то на чердаке разбила, правда, не я...» – висела она на шее у любимого деда. «Да знаю, знаю. Это был Святой Дух», – рассмеялся во весь голос дед.

Юлька

Холодные хлопья снега падали на маленькое посиневшее кричащее личико и уже не таяли. «Уа-уа!» – отдавая последние силы, кричала Юлька. Завёрнутая в тоненькое одеяло, она лежала на скамейке возле автобусной остановки и уже даже не дрожала от холода. Её реснички заиндевели, курносый носик уже не мог раздувать малёхонькие ноздри, а осоловелые глазки еле пилькали, и с надеждой смотрели вверх, на летящий с неба снег, такой белый, пушистый и порхающий в воздухе. Шум большой компании всё отдалялся и отдалялся, звук гитарной струны уже не стучал по её недавно родившемуся мозгу. И только повязанное красной лентой одеялко напоминало о мамином тепле.

Лёд настыл на голубой скамейке, и, казалось, отодрать его никто и никогда не сможет. Острые бугорки из застывшей воды так и смотрели своими пиками вверх. Мимо них ходили прохожие, бегали посторонние и не родные. Мимо них. И мимо Юльки. Она уже не кричала. Звать-то некого. Да и нечем. Нет сил. Выбилась. Малышка могла лишь тяжело дышать широко раскрытым ртом, из которого то и дело выходил тощенький парок. Стоял декабрь. Горячая лужа разлилась под Юлькой, и на секунду девчонка порозовела и даже немного улыбнулась. Подёрнулась в своём грязном коконе, обвитом красной ленточкой, и закрыла глаза. Туманное облако поднялось над ней, и сквозь него послышался звук милицейской сирены и еле знакомый голос бабки.

«Ой, ой!» – бежала она к маленькому свёртку, кряхтя и спотыкаясь. Толстая, обрюзгшая, и с запахом свежего перегара она тянула полные руки с грязными ногтями к Юльке: «Вот! Вот она!» «Точно? – переспрашивал суровый мужской голос. – Мы весь город уже объехали! Это точно ваша?» «Наша! Наша!» – радостно ликовала бабка. «Садитесь в машину, будем оформлять!» – послышалось из скрипящего рта милиционера. «Конечно-конечно», – соглашалась бабка, отдирая пристывшее Юлькино одеяло от скамейки. Она рванула так сильно, что кусочек ткани остался прибитым к той самой скамейке, на которой Юлька пролежала несколько часов и уже думала, что останется там навеки.

Светло-коричневые стены благоустроенной трёхкомнатной квартиры на девятом этаже были в царапинах и разводах. То и дело на них промелькивали жирные пятна и даже засохший кетчуп. На дощатом полу уже давно облупилась вся краска, и Юльке было очень больно, когда она попадала ей под тоненькие ноготки. Казалось, тысячи искорок в тот момент выбегут из её маленьких зелёных глазок и кинутся прибивать эту краску к полу. Тоненькая и маленькая Юляшка спокойно заходила под лакированный стол с тремя ножками (четвёртая вихлялась наполовину) и выходила из-под него. Она залезала на потёртый диван и даже могла с того самого стола дотянуться до навесного шкафчика, в котором бабка иногда хранила сахар. Правда, он был там не всегда. Частенько тут гуляли вонючие дядьки и такие же тётки, и его они жадно запихивали в рот после большого глотка какой-то горькой водички. Особенно Юльку смешил краснокожий дед. Тот, когда стопку в руки брал, издавал протяжный ревуший звук, сильно морщился и, осушая сосуд, разбивал его вдребезги. Поначалу Юлька этого побаивалась и даже несколько раз билась в истерике от страха, но дед решил, что девка должна быть сильной и выносливой, и показал ей, что бояться в этой жизни нечего, а главное – некого.

«Иди сюда, Юлец! – звал он её к себе. – Держи стопку и кидай во-он туда! В стену! Чтоб наверняка!» Юлька хватала маленькой белокожей ручкой зелёную стопку и бросала на пол. «Ну что ж ты? Что ж ты? Так дело не пойдёт! Надо сильнее! – поднимая с пола не разбившийся хрусталь, говорил дед. – Давай еще!» С пятого раза у неё получилось, и звонкий детский смех

озарил комнату, в которой стоял терпкий запах огуречного одеколона и повсюду валялись разные шмотки.

Юлька сидела посредине комнаты и грызла обветрившуюся корку чёрного хлеба. «Гляньте, как хрумкает!» – тыкал на неё пальцем дед. Бабка раскрывала рот и смеялась во все свои два гнилых зуба, которые еле держались на тонких коричневых ножках, вросших в мягкую десну.

Двумя руками малышка сжимала сухарь и пыталась отскоблить маленькими зубками по крошке. «Дай хоть чо другого! – просил бабку дед. – Жалко девку-то! На одних сухарях да бичах! Неужто другого нет?» Бабка чесала свою запыленную жирную голову, будто облитую салом, потом смотрела по сторонам, поджимала нижнюю губу и со вздохом изрекала: «Ы-ы!» «Не переживай, Юлька, сварим сейчас тебе каши... из топора!» – кивал своей плешью добрый дед.

Он ушел на кухню и, разгребая засохшую и обгоревшую посуду, нашел гречу. «О! А говоришь, нет ничего!» – обрадовавшись, закричал бабке. Юлька прибежала на голос и, как голодный волчонок, ждала, когда кастрюля зашкварчит. Пока дед открывал пакет с крупой, она сумела своровать несколько зернышек и даже попыталась их разгрызть, но заметила, что в это время на нее смотрит дед и, резко выпучив большие зеленушные глаза, проглотила гречку, так и оставшись стоять с выпученными глазами.

«Ну, ты чего? Юлька? – гладил ее мягкие рыжие волосики дед. – Ты чего? Подожди, сейчас сварится». Юлька ходила вокруг него, как надоедливый кот, который просит добавки. В её маленьком ротике уже отделилось много слюны, и она то и дело её по-быстрому сглатывала. «Во-от! – снимая крышку с кастрюльки, обдаваемой горячим паром, показывал дед на Юлькин обед. – Присаживайся к столу!» Юлька метнулась к тарелке, как пантера, и начала укладывать кашу за обе щеки. «Ну, ты и суслик! – ухмылялся дед. – Хоть дуй изредка! Всё небо себе обожжешь! Вот голодняк!» Но малышка его не слушала. Она пихала ложку за ложкой, просила добавки и, съев три тарелки, наконец-то утомилась. Дед вытер слезу, зашел в комнату к бабке и, топчась в дверном проёме, сказал: «Слушай, старая, я пойду... Ты это... Юльку-то хоть изредка корми... Дура...» Та молча кивнула ему в ответ. Дед махнул рукой и пошел к выходу.

Юлька забралась на потрепанный диван, укрылась дырявой простынёй и повернулась к стене. «Ба, я спать», – тихо прошептала она. Вдруг в комнате послышались шаги и шуршание пакета. Кто-то стал что-то складывать, искать и рыться. Неожиданно со стола упала кружка и разбилась, после чего Юлька услышала мамин испуганный вскрик: «Ай!»

Юлька, растянувшись в улыбке, вспрыгнула с кровати и бросилась к своей самой любимой, самой родной. Обняла её за ноги и начала бормотать: «Мамочка пришла! Моя любимая! Моя родная!»

Высокая напомаженная девушка, с синяком под правым глазом, царапиной на носу и выжженными перегидрольными волосами посмотрела на неё сверху вниз, отодвинула костлявой трясущейся рукой и зыркнула на бабку: «Ма, пожрать есть чо?» Бабка пожала плечами и по обыкновению ухмыльнулась. Мать зло посмотрела на неё и спросила: «А выпить?» Не дождавшись ответа качающейся из стороны в сторону бабки, сидящей на своём облупившемся стуле, она шмыгнула на кухню и выбежала из квартиры.

Юлька вприпрыжку побежала к входным дверям, которые оказались открытыми настежь. «Ма-ма! Мама! Мам! – кричала малышка на весь подъезд. – Ма-ма!» Её колготки с дырой на коленке съехали, рыжие волосы растрепались, а зелёные глаза покраснели от слёз: «Ма-ма! Иди! Иди ко мне!»

Бабка, охая и прихрамывая, дотопала до площадки и, схватив Юльку за одежонку, увела домой. Юлька бросилась на кухню и увидела, что кастрюльки с её гречкой нет. Она залезла на газовую плиту – нет. На столе – нет. В шкафах – тоже нет! Малышка села на пол и заплакала. Бабка прибежала на крик, осмотрела кухню и буркнула себе под нос: «Лишу прав сразу!»

«Ну, вот и всё! – выйдя из городского суда и запихнув в коричневую сумку документы, сказала вслух бабка. – Дело сделано!» Она посмотрела на переливающиеся лучи солнца, поправила ляжку от лифчика на своем плече, торчащую из-под летнего платья, и шагнула с крыльца: «Теперь заживу!»

Юлька стояла у окна и смотрела вниз. Дети бегали на детской площадке и играли в мяч. Рядом ходили их родители, на которых девчонка смотрела с тихой грустью и с большой завистью. «И почему у меня всё не так?» – подумала она и обернулась на звук открывающейся двери. Пьяная бабка кинула свою сумку в сторону, пяткой надавила на другую пятку, чтобы снять чёрные туфли, о которые она вечно натирала ноги, и сползла по стене на пол: «Фу! Жара!»

Смрадный запах вспотевших ног заполнил всю прихожую, Юлька сморщилась и убежала к себе в комнату. «Чего это мы нос морщим?! Это так с бабушкой родной? Так с кормилицей?!» – кричала она вслед внучке. Но Юлька не обращала внимания на её слова, она привыкла. «Вот погоди у меня! И от тебя избавлюсь! Попадёшь в детский дом – посмотришь, как оно!» – кричала она ребёнку из кухни, наливая водку в стакан. Замахнув парочку, громко отрыгнула и пришла в комнату. «Ну? Что тут у нас?» – осматривала она опухшую от голода Юльку. «Ничего!» – бубнила та. «Ничего... – по инерции повторяла пьяная бабка. – А раз ничего, иди сюда! Ты бабушку любишь?» «Люблю», – нехотя отвечала Юлька. Больше-то ей ничего не оставалось. «Тогда иди, чего покажу!» – приподнимая брови, интриговала она маленькую девчонку. «Давай!» – заинтересованно проговорила Юля.

Бабка стащила капроновый носок с ноги и подсунула грязные пальцы Юльке: «Вот!» Юлька разочарованно посмотрела на бабку: «Что – вот?» «Пальчики у бабушки болят! Глянь, какие!» – не унималась старая. Жёлтые наслоившиеся друг на друге ногти так и торчали в разные стороны. Кое-где они потрескались, где-то и вовсе были в каких-то странных бугорках и неровностях. Бабка откинулась на диване и произнесла на выдохе: «Да это грибок, Юлька! Гриб такой! Хочешь попробовать?» Юльчонок, испугавшись, попятилась назад: «Неа...» «А придётся!» – щёлкнув языком о своё вонючее нёбо, сказала бабка. «А где у нас ножницы?» – спросила у неё Юлька. «Какие ножницы? В этом году в школу пойдёшь, а не знаешь, что грибы ножницами не собирают?!» – вскрикнула бабка. Юлька испуганно вопросительно посмотрела на неё. Бабка закинула руки за голову и сказала: «Так грызи!» Юлька стояла над страшными ногами и не могла с собой справиться. Ей хотелось убежать, но было некуда. Ей хотелось забиться в угол, но там бы бабка её точно забила. В ступоре она смотрела то на бабку, то на её ноги. «Что встала как вкопанная?! Принимайся за работу! Давай! Иди.. Помоги своей любимой бабушке!» – не унималась та.

Юлька встала на колени, взяла белыми руками бабкину ногу и, закрыв глаза, принялась грызть жёлто-коричневые ногти. Грязь скрипела на её зубах. Она старалась сплёвывать ошмётки на пол, но некоторые со слюной попадали и вовнутрь. Бабка лежала с закрытыми глазами и улыбалась. Её щёки переливались от счастья и наслаждения, а Юлька, еле справляясь с рвотными позывами, грызла уже вторую ногу. «Всё, бабушка! – с чёрными вкраплениями около рта и вся в пене сидела Юлька у её ног. – Теперь я могу поесть?» «Теперь иди!» – улыбаясь, ответила она.

На кухне снова гора невымытой посуды, в холодильнике – молоко и яйца. Юлька встала к мойке, взяла у крана сырую тряпку, намылила её хозяйственным мылом и принялась

за уборку. Тоненькие пальчики отскрёбывали засохлости от чашек и тарелок, холодная вода их студила, и Юлька пыталась их согреть своим дыханием. «Х-ха! Х-ха!» – выдыхала она тёплый воздух из своих лёгких.

В чистую тарелку разбила два яйца, плеснула туда молока и, добавив соли, вылила всё на нагретую сковородку. «Вот поем-то сейчас!» – помешивала Юлька вилкой содержимое в предвкушении ужина. Вскоре омлет был готов, и девчонка начала выкладывать его на тарелку. «М-м-м... Как вкусно! – пришла на ароматный запах бабка. – Дай-ка попробую!» Она села за стол и съела всю Юлькину еду. Достала из-под стола водку и опрокинула ещё несколько стаканов: «Вот жизнь, да, Юлька?»

Зелёные глаза вновь налились горькими слезами и, перехватив рукой ком, подкативший к горлу, Юлька поплелась в комнату. Голодная и обиженная, она свернулась калачиком под простынкой, и её пробрала дрожь. Ей очень хотелось есть, и, чтобы не думать об этом, она попробовала уснуть. Вдруг простынь потянулась куда-то в сторону, сзади послышалось кряхтенье и донесся запах перегара. «Фу!» – Юлька зажала нос пальчиками. «Пофукай там ещё!» – укладываясь рядом с внучкой, пробурчала бабка. Грязная и паршивая, она так и прижималась к ребёнку своим грузным телом, которое вовсе и не мыла-то никогда. Юлька выпрямилась струной и вжалась в стену, чтоб не касаться бабки. Уснула.

Утро выдалось жарким, но бабку это совсем не смущало. Она шагала по городу в туфлях на каблуках и старой бурой шубе с большой брошью на переду. Сзади волочился дед: «Старая, давай сегодня помоемся! А? Ну что ты воды всё жалеешь?» Бабка шла, а за ней летел на несколько метров отстающий шлейф ужасного смрадного запаха. Она шла и бубнила что-то под нос, шла, пока не заметила на одном из стендов объявление: «Сниму квартиру на шестерых».

Онемевшие ноги затекли, и в них бегали ёжики. Юлька изгибалась на диване и охала. «Ба-аб! Ты где? Эй! У меня ноги так колет!» – звала она свою опекуницу. Она звала, а никто не отзывался. Вдруг послышался звук поворачивающегося ключа в замочной скважине, а вслед за ним и голоса. Голоса. Но какие-то незнакомые... «А вада эст? – спрашивал мужской голос с акцентом. – Гдэ наши комнаты? Два? Два комната? Нам одна мало! Два нужна!» «Два так два! – скромно говорил бабкин голос. – Вон туда проходите, пожалуйста!»

В Юлькину комнату заглянул какой-то черноглазый мужчина с большим носом, потом ещё один, за ним ещё и ещё. Юлька насчитала шестерых. Она спрыгнула с кровати, забыв о недавней боли, и подбежала к прихожей. Кто-то заносил сумки и чемоданы, поставил большой вентилятор на пол и прошёл в соседнюю комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.